

Полина Корицкая

САМ⊕КРУТКИ

Полина Корицкая
Самокрутки

«ИП Стрельбицкий»

Корицкая П.

Самокрутки / П. Корицкая — «ИП Стрельбицкий»,

«Самокрутки» - не краткий словарь табаковеда, однако нельзя сказать, что его здесь нет. «Самокрутки» - не готовая инструкция для искателей приключений, хотя и содержит карты и ориентиры. «Самокрутки» - не справочник по современному андеграунду, только сборник некоторых любопытных сведений и документов. Произведение обманчиво автобиографичное, обманчиво простое, обманчиво правдивое, и бесконечно искреннее. Роман, стилизованный под повесть, психологическая драма под комедийной маской. История девочки, болезненно и остро пытающейся осознать свое место, свой путь, притягивает магнетически. Читатель видит в ее приключениях что-то такое, что до сих пор в нем есть, но позабыто. И он «скуривает» эту историю в один присест, не торопясь избавиться от пепла.

Содержание

Раскрывая хьюмидор[1]	6
Самокрутка первая	7
Самокрутка вторая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Полина Корицкая

Самокрутки

Памяти Рыжего...

Раскрывая хьюмидор¹

Все удивительные воспоминания хочется вынуть из головы и положить в нагрудный карман. И вовсе не потому, что так ближе к сердцу. Просто до кармана проще дотянуться, чтобы нащупать там нужное и показать кому-то. Взять да и подойти к первому встречному, слегка приоткрывая ладони – мол, смотри...

– Смотри, что у меня есть!

А тот, случайный, удивится, рассмеется, ну надо же, скажет, ты счастливчик! Да, улыбаешься ты, счастливчик, и снова сжимаешь ладони.

Но не так-то просто носить воспоминания все время с собой. Лишь на первый взгляд они кажутся маленькими и словно невесомыми, но если попытаться оторвать их от земли... Экая тяжесть! – куда проще остаться тут же, при этих неподъемных чемоданах собственной памяти – сесть на них, да так и не сдвинуться дальше.

Мимо идут люди. Этот мужчина в белом пиджаке с огромным чемоданом, похожим на кофр, от которого по земле тянется бурая полоса, – натуральный конь с телегой. Еле тащится, мучится одышкой, но везет. Он уверен, что засеивает поле, и это было бы правдой, если бы не гнилые семена. А та женщина в черном несет только ручку от сумки: поклажа давно оторвалась под собственным весом, но она не хочет этого признавать. Она медленно идет и аккуратно держит ручку – так, будто та заполнена водой.

Вот странно одетая тетка с большим рюкзаком на плечах. Из него постоянно что-то вываливается, а она, не обращая на это никакого внимания, ежеминутно находит на дороге какую-то новую необходимость и не глядя бросает в рюкзак. О, смотри, – выпал хороший на вид мужчина и убежал. Тетка посмеялась и пошла в противоположную сторону, прибавив шаг.

А этот человек упал на свои вещи ничком и лежит. На его плечах – следы от жестких ручек, а ноги неестественно вывернуты.

Надо идти.

Но как унести это груз? Ты раскрываешь чемодан, смотришь внутрь... Все воспоминания сваялись в один большой ком. Интересно, думаешь ты, а эти люди раскрыли свою память хотя бы раз за столько лет?

И ты отламываешь от кома кусок, а он прямо в пальцах вдруг – рассыпается... Все, что было так дорого, так важно, бежит сквозь пальцы, и очень страшно позволить ему бежать. Все, что было когда-то материальным, твердым, существенным, теперь даже не песок, а так, – дрянь какая-то. Табак пересушенный. Тогда ты собираешь воспоминания по щепотке, и закручиваешь их в папиросную бумагу. И со смехом замечаешь, что получились натуральные самокрутки, какие курил, быть может, твой дедушка. Ни дать ни взять, настоящий самосад в обрывках совковой газеты.

Я скручиваю, и все оживает – оживают улицы, дома, начинают разговаривать коты, и я их понимаю, а они понимают меня.

Я скручиваю, и обидно, когда слишком тонкая бумага рвется, когда то, что в центре, просыпается наружу, а потом чего-то не хватает, понимаешь? Чего-то важного не достает.

Я скручиваю, и они выходят такими разными и неуклюжими, ведь специальной машинки по скрутке воспоминаний у меня нет.

¹ Для справки по заголовкам см. «Краткий словарь табаковеда» в конце книги

Самокрутка первая Козья ножка

Сначала была Шибаловщина. Никто не может ни понять, ни вспомнить, ни, тем более, объяснить, откуда она взялась. Просто однажды воздух в Квартире сгустился, что-то тихонько щелкнуло, – и опа! – на тебе, лежит. Синяя, дырявая, вонючая, словом – домашняя. Как тапки, в которые Рыжий наложил. Впрочем, я попробую восстановить цепочку событий и разобраться, откуда взялось это чудо.

Мысль – она, как вы знаете, материальна. Но ведь кто-то должен подумать ее, эту мысль. А кому ее думать, если Квартира пуста?..

Квартира живет под самой крышей, на пятом этаже. Голову ей летом печет солнце, зимой заваливает снегом так, что уши примерзают к водосточным трубам. За шиворот ей залетают голуби и гадят. В нутре живут пауки и тараканы, потому что прошлые хозяева бросили Квартиру, даже не смахнув хлебные крошки со стола.

Ну вот, вы уже, наверное, думаете: враки! Кто бросит жилплощадь в таком престижном районе столицы? Да, ее действительно не просто оставили, а решили сдавать.

Хозяйку Квартиры звали Муза, как любимую собаку Литературного института.

Но я сомневаюсь, что Муза могла выдумать что-то такое, что материализовалось бы в Шибаловщину. Для этого должен был появиться Шибалов собственной персоной, не иначе.

Откуда взялся здесь Валентин Шибалов, никто не помнит, не понимает и не в силах объяснить. Логично думать, что он появился до Шибаловщины. Хотя, это вопрос довольно спорный – что было сначала: яйцо или курица.

Есть предположение, что Валька там прямо и родился. Уже бородатый, толстый и сразу на унитазах. Да, возможно, после своего рождения он спрятался за сливной бачок и рос там потихоньку, пока не пришла Хельга Патаки, и не начала выметать оттуда всякий мусор. Шибалов оказался мусором самым приятным, а при ближайшем рассмотрении вовсе даже и не мусором, а весьма упитанным мужчиной «в самом расцвете сил». Патаки как увидела

это чудо грязнущее да лохматящее, так и зарделась вся. И ну его мочалками шоркать! И чем больше шоркала, тем больше рдела.

Хельга Патаки, собственно, и начала первой снимать Квартиру. А Валька, даже если он в ней и уродился, все равно сделал это, не оплатив госпошину. Поэтому Хозяйкой стала Патаковна, как ласково звал ее Шибалов.

Так Квартира стала Домом. Веселым, теплым и гостеприимным.

А как же может Дом жить без кошки? Да легко! Вот без кота уже сложнее. Поэтому появился Рыжий. Он родился из большого Хельгиного рюкзака. Судя по содержимому рюкзака (а лежали там обычно дудки, ноты, книжки да листочки), – Рыжий – дитя Таланта.

Этот кошак умудрялся гадить в такие места, в какие не ступала даже тараканья лапка. Потому что он был очень умный и на самых важных местах хотел оставить свой автограф.

Откуда взялась там я? Патаки говорит, что от сырости завелась. Просто Рыжий однажды оставил автограф на одном из матрасов и с тех пор тот ни разу нормально не просох. До сих пор воняет, можете сами у Хельги спросить.

* * *

На нашей кухне была старенькая газовая плита и еще более древняя газовая колонка. Я до сих пор вздрагиваю, вспоминая эту конструкцию. Сначала я долго училась ей управлять, но однажды спросонок перепутала порядок действий – колонка пыхнула ярким пламенем и опалила мне ресницы. Зато у нас всегда была горячая вода.

Конечно, на кухне был стол. Кажется, письменный. В одном из его ящичков стояла банка с выдавшим виды табаком. Периодически окурки из переполненной пепельницы сортировались – бычки получше в одну кучку, похуже – в другую. Те, что подлиннее да посохранные, потрошились, табак ссыпался в специально отведенную для этого банку – ту самую, фильтры складывались отдельно. Скуренные «в ноль» отправлялись в мусор. Табак некоторое время просушивался, иногда в него нарезалось яблочко или два, для вкуса. Позже из этого табачка с добавлением фильтра мы «лепили» самокрутки. Еще бумага была специальная.

Вообще фигия, конечно, получалась, особенно если табак не до конца просох. Но когда денег не было, а курить хотелось, это спасало.

* * *

Прямо под нашей Квартирой, этажом ниже, жила одна милая женщина. Имени ее я, к сожалению, не помню. А может, никогда его и не знала. Это вовсе ни к чему, если называть человека как-то особенно. Она была очень особенной, и любя мы звали ее Недотрашка.

Нравом она отличалась игривым. То бралась среди ночи молотком в дверь колотить, после чего на бедняге оставались приличные вмятины. То жаловалась, что кот наш слишком громко топает. А однажды настойчиво посоветовала приклеить на наши тапки по прокладке, чтобы мы тише ходили. А лучше – сидели. И желательно не шевелясь.

Был у нее сын. Худенький такой, глаза тоскливые. Прямо жалко его. Но что поделать – без крыши парень, без башни в смысле. Дурачок, в общем. И очень он по крыше своей тосковал, и сильно найти ее пытался, узнать – не она ли, не его ль?

Решил раз Дурень, что крыша горячо любимой нами квартиры – та самая и есть. Кумекать стал: как бы на законное место ее вернуть?

День Дурак думал, два, а на третий рассудил так: вот, дескать, дождик идет когда, фундамент дома подмывает, и тот начинает проседать. И совсем просто будет до милой крыши дотянуться! Но ждать погоды от природы – ненадежное занятие. Надо брать ситуацию в свои руки. И вот пошел Дурачок в садово-леечный магазин и купил себе большую лейку.

День-деньской сидел он у подъезда и лил воду под ноги дома. В глазах его светилась неясная надежда, все ждал, когда крыша до земли опустится, а он возьмет большой тортовый нож и отрежет себе кусок шифера. Приладит вместо шляпы к голове, и мир вокруг изменится: он станет умным, луна всегда будет растущей, бездомные собаки – сытыми, а мама – красивой.

А Недотрашка носила вниз огромные лязгающие ведра, полные ржавой воды. О бедро билась банка с грибным супом, обмотанная вафельным полотенцем. Она шла и ворчала себе под нос. Мол, что за жизнь – хлеб в «Перекрестке» опять непропеченный и соседский кот всю ночь спать не давал. Что за люди, нет бы тихо сидеть.

* * *

«Перекресток», который так ругала Недотрашка, лично мы уважали очень. Там можно было выменять полный пакет железных денег на 50гр говяжьего фарша, пачку «Явы», хлеб и кошачий корм. А иногда в гости приезжала мама, и тогда мы сметали с полок шоколадные конфеты, диковинные печеньки и заморские консервы.

Ночи мы всегда проводили на кухне. Просто домой приходили очень поздно. За пять минут до закрытия выбегали из туннеля с буквой М, бежали к остановке с буквой А и долго ехали мимо красных бурлящих фонтанов на Поклонке и яблочного сада – то цветущего, то зреющего, то облетающего, то замерзшего и будто снова цветущего. Потом шли в «Перекресток», и только после этого – не спеша, вымотанные, голодные – брели в сторону дома. На крыльце дремал соседский Дурачок, изможденно прислонившись щекой к холодной лейке и беспокойно вздрагивая во сне. Мы отламывали ему немного хлеба и поднимались на пятый этаж. Входили, открывали дверь на кухню, радостный Рыжий прыгал на стол, терся о Валькины усы в ожидании кормежки. И мы принимались за готовку. Варили суп, очень быстро его съедали. А потом сидели и тележили до самого утра. Вставать на учебу, конечно, было весьма непросто, но свежий кофе выручал.

А иногда денег совсем не было, мама не приезжала, стипендию не платили. Тогда мы ели панировочные сухари с майонезом.

ДОКУМЕНТ № 1

**Обнаружен висящим на входной двери квартиры № 80
по ул. Свиридова г. Москвы**

ЦРУ

(Ценные Руководящие указания)

- 1. Открыть форточку в комнате;**
- 2. Выключить колонку, газ, свет, воду;**
- 3. Закрыть кота на кухне;**
- 4. Взять с собой мусор;**
- 5. В парадной громко не разговаривать.**

ПОЖАЛУЙ, ХВАТИТ СЧАСТЛИВОГО ПУТИ!

Самокрутка вторая Мягкая смесь

Итак, мы быстро съедали свои 50 гр фарша и тележили до самого утра.

Телега – это та же байка, сказочка, придумка. Только надо ее не рассказывать, а двигать. А потом сесть сверху и перетянуться от собственной просветленности. Цель ее – подвинуть сознание, но не так, чтобы совсем двинуться, а чуть-чуть. Телеги бывают разные. И в стихах бывают, и в песнях, но чаще в виде эдакой мудреной сказки. Хельга была настоящим тележным мастером, сэнсэем тележной мудрости, а я внимала и училась.

Мы двигали о зеленых собаках, стерегущих свои маленькие заборчики на теплых от солнца газонах. Мы размышляли над тем, какими путями в метро попадают поезда. Может быть, они прямо там и рождаются?.. И мамы-вагоны не пускают детей-вагонят на линию до самого совершенновaгония.

– Родился как как-то в депо новый поезденек. Радостный такой, фарами хлопает, колесами топает – родители не могли нарадоваться сыну. Когда Метруне исполнился один вагончик, они рассказали ему о своей тяжелой работе. Ездят целыми днями, людей возят, а люди неблагодарные, то стекло выбьют, то бутылок накидают, то стены начнут расписывать. А вот их троюродные тетки на американских горках работают. Вот повезло! И на солнышке, и народу по утрам не так много,² – рассказывает Хельга.

А я ей: «Давай, чаю подолью».

Нет, вру. Мы пили матэ. То есть вот так выходит:

«Давай, кипяточку добавлю». Да, выходит, так.

А она: «Каждое лунное затмение происходит одно и то же. Звездный Волк спускается на Микояновский мясокомбинат, чтобы украсть колбасу, возносит на небо души невинных котят, а Звездный Лев ругает Волка и возвращает котят на землю, но уже не в виде колбасы, а в виде живых кошек. Потому что в мире все всегда правильно. Правильно и гармонично.³ А, да, давай, спасибо, спасибо, круто!»

* * *

– Я помню, как впервые поняла, что такое время, – вполголоса говорила Патаки, склонившись над литровой железной кружкой и глядя на меня сквозь очки. – Как-то раз, когда я была еще совсем маленькой, мама повела меня на УЗИ. Понятное дело, писать было нельзя. И я очень долго терпела, а ужасно хотелось, и я ерзала на скамеечке в очереди, а рядом со мной сидела большая совдеповская тетка. Тетя читала газету. У нее была такая огромная попа, что занимала почти всю скамейку, так что мне оставался самый краешек. Но ей было мало просто удобно сидеть, и она все время меня одергивала: «Девочка, чего ты вертишься? Девочка, ну посиди спокойно! Девочка, почему ты не можешь просто положить свои руки на ноги, а ноги – на пол?» Но я не могла. Ноги никак не хотели стоять на месте и сами собой плясали танец «хочуписать». Поэтому я встала и начала прыгать. Вверх-вниз, вверх-вниз, люди входят и выходят, вверх-вниз, входят, вверх, выходят, вниз, ой, ой, ой! И вот, наконец, моя очередь. Когда я вышла из кабинета, я помчалась напрямик в туалет. И писала так долго, мама сказала, что целую минуту. Вот так я поняла, что такое время. Валя, ну почему ты опять

² Хельга Патаки, отрывок из сказки «Метруня»

³ Хельга Патаки, отрывок из сказки «Звездный волк и Микояновский мясокомбинат»

по квартире голый ходишь? Ты бы хоть Полинки постеснялся! Блин, ну почему ты у меня такой дурак?

Но я уже привыкла, что Валька ходит голым и играет на баяне, сидя в туалете. Ведь он музыкант, творческая личность. Олька рассказывала, что раньше у Шибалова были длинные волосы, по самую попу, настоящий предмет гордости. Я никак не могла в это поверить, такие волосищи я видела только у одной своей подружки, однокурсницы Сашки.

Но сейчас Шибалов стрижен под ежика. Ему от этого самому немного грустно, зато попу ничто не загораживает. Теперь он гордится ею.

Хельга Патаки сказочница и флейтистка. Конечно же, в доме у двоих музыкантов живет куча инструментов. Несколько гитар, скрипка, два баяна, дудки, флейты, тинвистлы и два синтезатора, один из них даже умещается на ладони.

Как-то раз, ожидая автобус на остановке, мы увидели на столбе объявление:

ДОКУМЕНТ № 2

**Обнаружен висящим на столбе,
недалеко от станции метро «Парк Победы»
МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКОЛА № 47 ОБЪЯВЛЯЕТ НАБОР
УЧЕНИКОВ НА НОВЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД 2004–2005 ПО
СЛЕДУЮЩИМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ:
ФОРТЕПИАНО
СКРИПКА
КЛАССИЧЕСКАЯ ГИТАРА
БАЯН
ХОРОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЭКЗАМЕНЫ ПРОВОДЯТСЯ В МАЕ 2004 г.
ПРОСЛУШИВАНИЕ СОСТОИТСЯ 16 МАЯ В 17 ЧАСОВ.**

Ну, мы и пошли туда. Все вместе, втроем. Великовозрастные дитяти – мне семнадцать, Хельге двадцать четыре, Вальке двадцать восемь. И нас взяли. Я стала заниматься классической гитарой, Патаки скрипкой, Шибалов продолжил покорять кнопки баяна.

В музыкальной школе про нас ходили легенды. Дескать, вот учатся трое студентов странной наружности, очень какие-то творческие личности.

* * *

Хельга и Валька очень любили друг друга. Они даже хотели пожениться, только обязательно первого апреля. Потом, конечно, деток народить. А на мне они тренировались – над моим спальным местом висела длинная гирлянда погремушек.

В свободные вечера мы с Патаки сидели на кухне и читали газету «Моя семья».

Шибалов в это время медитировал на унитазе и заучивал надписи на стенах.

Рыжий, раскорячившись под раковиной, сосредоточенно и продолжительно писал в лоток.

«Потому что в мире все всегда правильно. Правильно и гармонично».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.